

Раннесредневековые восточноевропейские надписи в российской любительской лингвистике

Дмитрий Юрьевич Полиниченко, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия, dpol@bk.ru

Ключевые слова: любительская лингвистика, эпиграфика, дешифровка, нерасшифрованная письменность, дохристианская славянская письменность, славянские руны

Key words: amateur linguistics, epigraphy, deciphering, undeciphered writing systems, pre-Christian Slavic writing, Slavic runes

Поворот современной лингвистики к исследованию говорящего человека подчеркивает актуальность изучения любых проявлений личностного начала языковой личности. Одним из таких проявлений является вербализация метаязыковой рефлексии, выступающей как часть культурного и компонент национального самосознания [Вепрева 2002: 227–228] и рассматриваемой скорее как деятельность говорящего индивида, а не как проявление метаязыковой функции собственно языка [Кашкин 2002: 4].

Если язык отражает определённую картину мира – языковую картину мира, то неосознанное знание о языке представляет собой её метаязыковой аспект – метаязыковые представления, в неявном виде содержащиеся в высказываниях носителей языка. Как и иные фрагменты языковой картины мира, данные представления не поддаются прямому наблюдению, а реконструируются лингвистами.

Знание же осознанное вербализуется в эксплицитных формулировках, даваемых членами соответствующего языкового сообщества. Оппозицию неосознанного и осознанного можно обозначить как «Язык о языке» vs. «Человек о языке».

Исследование метаязыковой рефлексии «наивных» пользователей языка приводит к попыткам терминологически выделить и обозначить как соответствующее лингвистическое направление, так и его объект. Так обрели существование термины «естественная лингвистика», «обыденная лингвистика», «обыденная металингвистика», «наивная лингвистика», «народное языкознание» и другие (см. [Голев 2009: 39]). Наблюдения показывают, что подавляющее большинство исследователей, употребляющих термины из этого ряда, подразумевает под ними метаязыковые представления или метаязыковую деятельность рядовых пользователей языка.

Однако в случае осмысления собственной металингвистической деятельности, при которой рядовой пользователь языка предпринимает попытки самостоятельного исследования языковых фактов, их обобщения и аргументации своих выводов, мы сталкиваемся с феноменом, которому, как представляется, необходимо дать собственное название, отграничив его от родственных, но не тождественных ему проявлений метаязыковой рефлексии. Существуют различные обозначения данного феномена современными исследователями – это прежде всего «любительская лингвистика» [Зализняк 2009], «криптолингвистика» [Базылев 2009], «лингвистика ресентимента» и «лингвистика Новой парадигмы» [Серио 2011], «фол(ь)к-лингвистика» [Полиниченко 2010].

Современные российские любительские лингвистические концепции по их содержанию можно разделить на следующие группы: 1) интерпретация знаков алфавита и любительская фоносемантика; 2) дешифровка и прочтение древних

надписей (любительская эпиграфика); 3) этимологические и лингвистические штудии.

Данная работа посвящена изучению второго направления, которое представлено разнообразными попытками дешифровки письменных памятников прошлого. В их число попадают как признанные дешифрованными, так и до сих пор остающиеся загадкой для науки памятники. Сюда же можно отнести любительские попытки заново перевести и проинтерпретировать средневековые восточнославянские памятники письменности: как подлинные (наибольшей популярностью пользуется «Слово о полку Игореве»), так и признанные наукой поддельными (бесспорным лидером является «Велесова книга»). Однако в данной работе мы не будем касаться этих упражнений, сосредоточив внимание на попытках дешифровки собственно надписей.

Наши наблюдения показывают, что наиболее популярными объектами дешифровки среди российских любителей-эпиграфистов являются памятники Древнего Средиземноморья (надпись на Фестском диске, этрусские тексты, а также тексты, написанные критским линейным письмом А и Б), а также раннесредневековые надписи с территории Восточной Европы.

Специфика раннесредневековых надписей состоит, во-первых, в притягательности их славянской атрибуции. Если атрибуция всех иных вызывающих интерес энтузиастов видов письменности (этрусской, критской и т.п.) как славянских неизбежно входит в противоречие с их историческим контекстом и налагает на эпиграфиста обязанность дополнительной аргументации, то при дешифровке данных надписей славянская гипотеза является одной из основных, так как их пространственно-временная локализация делает предположение об их славянском характере вполне возможным. Во-вторых, они, как правило, с трудом поддаются однозначному прочтению или же вообще не считаются надписями.

По характеру данные надписи можно разделить на:

- а) признанные надписи;
- б) надписи, признаваемые поддельными;
- в) надписи, имеющие спорный характер или не выделяемые как таковые.

В первую группу войдут гнёздовская надпись (см. [Львов 1971]), надпись Ибн ан-Надима [Зайцев, Морозов 2007], алекановская надпись [Громов, Бычков 2005: 206], надписи на славянских биконических пряслицах XI–XIII веков и т.п. Сюда же следует отнести руноподобные (т.е. не допускающие однозначной интерпретации как рунические, см. [Мельникова 2001: 80–81]) надписи из Восточной Европы. Зачастую данные надписи не имеют признанного варианта дешифровки. Интересным примером надписи первой группы является так называемая надпись на памятнике князю Бусу [Асов 1997; Асов 2000: 305; Сокол-Кутыловский 2006а].

Вторую группу составят надписи, признанные поддельными. Прежде всего, это надписи так называемыми славянскими или вендскими рунами. Речь идёт о надписях на прилвицких идолах – бронзовых статуэтках, выданных во второй половине XVIII века за вендских идолов из храма в Ретре. Также подобные знаки встречаются на коллекции камней, найденных близ Ной-Штрелица, микоржинских камнях и некоторых других предметах [Громов, Бычков 2005: 101]. Данная письменность в значительной степени напоминает один из вариантов скандинавского рунического письма, но не тождественна ему. Из попыток современной реконструкции строя западнославянских рун следует упомянуть версии эзотерика-рунолога А. В. Платова [Платов 1997; Платов 2001], переводчика и популяризатора «Велесовой книги» А. И. Асова [Асов 2000: 361–372], а также автора-неоязычника под псевдонимом «Креслав Рысь» [Рысь 2005].

Имя Асова связано с ещё одним документом из второй группы. Речь идёт о так называемом «Бояновом гимне» или «Гимне Бояна», обрётённом в архиве

Г. Р. Державина. Сегодня считается, что он датируется XIX в., а его автором (точнее, фальсификатором) является известный коллекционер А. И. Сулакадзе [Алексеев 2004: 140; Уханова 1998: 230–231]. Сам Асов датирует «Боянов гимн» IV в. н.э. [Асов 2000: 14]. В публикациях В. В. Грицкова и В. Торопа утверждается, что в основе фальшивого «Боянова гимна» лежит более пространный подлинник, называемый «Ладожским руническим документом», и приводится его перевод на русский язык [Грицков 1995; Тороп 1997]. Асов раскритиковал эту версию: по его мнению, памятник написан при помощи такого же вида славянского рунического письма, что надпись на памятнике князю Бусу [Асов 2000: 310–314].

Нужно также сказать, что, по нашим наблюдениям, гипотеза о существовании славянской дохристианской рунической письменности является довольно притягательной для участников российского неоязыческого движения (о проникновении любительских лингвистических представлений в российское неоязычество см. [Полиниченко 2012]).

В третью группу войдут надписи, которые не всегда признаются за собственно надписи. Например, таковы надписи на грузиках Троицкого городища (дьяковская археологическая культура), с расшифровки которых начал свою эпиграфическую деятельность Г. С. Гриневич [Гриневич 1993: 31]. В гораздо большем количестве они обнаруживаются В. А. Чудиновым (критический анализ эпиграфической деятельности последнего см. в [Эрлихман 2008; Яковлев 2011]). В последнем случае можно говорить о псевдоинскрипциях, используя удачный термин С. В. Яковлева [Яковлев 2011: 85].

Нужно отметить, что как Г. С. Гриневич, так и В. А. Чудинов – пожалуй, наиболее известные среди эпиграфистов-энтузиастов – приписывают гипотетической письменности слоговой характер. Охарактеризуем их изыскания чуть подробнее.

Геолог по образованию Г. С. Гриневич, приняв в качестве рабочей гипотезы предположение о слоговом характере гипотетической дохристианской славянской письменности (так называемого «письма черт и резов») и основываясь на допущении, что создатели кириллицы заимствовали знаки из письма «черт и резов», отождествил знаки дешифрируемого письма с буквами славянских азбук – кириллицы и глаголицы. Однако не для всех знаков такой подход оказался применим, поэтому автор обратился к акрофоническому методу и отождествил некоторые знаки, похожие на рисунки предметов (копьё, голова, лошадь и т.п.), с этими предметами, взяв для чтения первый слог из современного русского названия этого предмета – впрочем, с некоторыми отклонениями: так, знаки, обозначавшие сокола и собаку, получили фонетическое значения соответственно СО(кол) и СА(бака) [Гриневич 1993: 29]. Также для идентификации знаков письменности типа «черт и резов» автором применялись метод искусственной билингвы и комбинаторный метод [Гриневич 1993: 30].

Далее Г. С. Гриневич попытался дешифровать надписи, относящиеся и к другим системам письма, опираясь на те же методы и обнаружив в их знаках больше сходство, что привело его к мысли о существовании праславянской письменности, определяемой как «письменность славян, которой они пользовались задолго до создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием» [Гриневич 1993: 151]. Данная праславянская письменность, согласно автору, является слоговой, при этом возможны только открытые слоги типа СГ (согласный плюс гласный) и Г (гласный). Г. С. Гриневич утверждает, что праславянской письменностью славяне пользовались на протяжении, по крайней мере, шести тысячелетий. Праславянскую письменность автор рассматривает как праписьменность, давшую начало всем остальным основным письменностям мира.

Язык раннесредневековых восточноевропейских надписей определяется автором как «восточнославянский (древнерусский) и западнославянский – древнепольский(?)»

[Гриневич 1993: 152]. Язык остальных исследованных надписей – от этрусских до тэртерийских – определяется автором как «общеславянский – праславянский, а точнее, праславянский письменный язык, который, естественно, несколько отличается от гипотетического, условно-восстановленного праславянского языка, главным образом по своему морфологическому строю» [там же].

Данные результаты были озвучены в первом томе, вышедшем в 1993 году. В вышедшем шесть лет спустя втором томе Г. С. Гриневич обратился к германским руническим надписям и письменным памятникам Южной Сибири и Северной Монголии [Гриневич 1999]. Выводы автора относительно рунической письменности из первого тома получили здесь своё развитие – рунические надписи читаются им, исходя из таблицы знаков праславянской письменности. Это относится и к германской, так и к древнетюркской рунической письменности.

Физик по образованию, доктор философских наук В. А. Чудинов начинал как последователь Г. С. Гриневича, пытаясь прочесть раннесредневековые славянские надписи, написанные, согласно Гриневичу, слоговым письмом. Однако позднее, сохранив представление о слоговом характере данной письменности, названной им «руницей» или «рунами Макоши» [Чудинов 2006: 53], он предложил собственные фонетические значения выявленных знаков. Гриневич, по его мнению, выявил лишь половину знаков руницы, а другую половину в его силлабрии составляли знаки германских и тюркских рун, а также случайные знаки [Чудинов 2006: 275].

Руница, согласно Чудинову, представляет собой «очень древнее традиционное письмо славян, где каждый знак представляет собой открытый слог, состоящий из согласного и гласного» [Чудинов 2006: 11]. Данным слоговым письмом, помимо древнерусских надписей, которых автор прочитал множество [Чудинов 2003], пользовались авторы и других надписей. Подобные надписи, согласно автору, могут быть найдены на шведских рунических камнях [Чудинов 2010: 80], польских средневековых монетах [Чудинов 2006: 94–97], артефактах различных археологических культур, а также на многих других предметах.

Надписи руницей, согласно Чудинову, могут быть обнаружены даже на памятниках палеолита: в частности, на статуэтке из стоянки Берехат-Рам (Израиль), датированной временем между 800 и 233 тыс. лет назад [Чудинов 2006: 38–39]. Поэтому возникновение руницы Чудинов связывает с началом среднего палеолита [Чудинов 2006: 246].

Помимо вышеописанных авторов, можно отметить доктора технических наук О. Л. Сокол-Кутыловского. Автор продолжает традицию слогового чтения знаков «древнеславянской письменности». При этом, заимствуя фонетическое значение многих знаков у Гриневича и Чудинова, он подходит к подбору гласных, исходя больше из соображений полученного смысла, чем из описанных у данных авторов правил [Сокол-Кутыловский 2006]. Отметим, что Сокол-Кутыловский читает по-славянски и признанные древнегерманские рунические надписи, придя в итоге к следующему выводу: «практически все древние рунические надписи северной и центральной Европы, считавшиеся ранее германскими, осмысленно читаются на славянском (русском) языке» [Сокол-Кутыловский 2008].

Несколько отличен от вышеописанных подход В. В. Гладышева [Гладышев 2007]. Автор дешифрует значительное количество надписей, принадлежащих к разным системам письменности – в том числе германские рунические надписи. При этом, как правило, используется транскрипция академических исследователей с некоторыми модификациями (так, «ф» заменяется на «ц»). Главной отличительной чертой его подхода является иное разбиение текста на слова и их своеобразная интерпретация. Этой интерпретации подвергаются не только надписи, но и совокупности имен в

древних источниках: так, «если взять, к примеру, «Родословную от Адама» и соединив «имена» вместе, рассматривая их как транскрипцию, вновь разделить на слова на языке наших предков русов-ариев, то получится связный заупокойный текст с развитием его сюжета, именами древних богов и людей» [Гладышев 2007: 92].

Интерпретацией древнерусских надписей занимаются также С. В. Рябчиков [Рябчиков 1999] и энтузиаст под псевдонимом «Светлояр», читающий надпись Ибн ан-Надима как написанную на санскрите слоговым письмом брахми [Светлояр 2011: 189–240].

Отметим разнообразие вариантов чтения надписей. Так, надпись Ибн ан-Надима получила следующие варианты прочтения: «Равьи и Ивесь побратане» (перевод: «Равьи и Ивесь – союзники», вариант Г. С. Гриневича), «берой и веди братане» («бери его и веди к братьям», версия В. А. Чудинова), «лошадь один один один к-ш один сани» (экзотическая версия С. В. Рябчикова – по мнению автора, речь в надписи идёт о русской тройке), «[Эти двое] даны[:] тройная упряжь [и] одна небольшая повозка[,] оба[.]» (Светлояр).

Как правило, итогом любительских дешифровок является корпус фраз на языке, в большей или меньшей степени напоминающем современный русский язык, который затем интерпретируется при помощи русского же, например: «латка не рьви нечрьинё» (Г. С. Гриневич), «къ чисьлу лепь{нехь} русь {пове}ддиши» (О. Л. Сокол-Кутыловский), «рыло, чаво же въпивъ водьки в чаре сей? воруя я» (В. А. Чудинов).

Дешифрованный текст может содержать отдельные русские лексемы, однако в целом не может быть назван ни русским, ни древнерусским, ни старославянским. Язык этих текстов можно назвать квазидревнерусским или псевдодревнеславянским. Семантика дешифрованных текстов зачастую довольно туманна, а интерпретация откровенно субъективна (так, И. Н. Данилевский отмечает, что и «оригинал» (русская транскрипция), и «перевод» Г. С. Гриневичем этрусских текстов одинаково загадочны [Данилевский 2004: 123]), что, впрочем, ничуть не смущает самих дешифровщиков.

Также следует заметить, что если одни авторы довольствуются чтением надписей, относящихся к этой группе, и попытками воссоздания соответствующего алфавита или силлабария, то для других данные эпиграфические опыты – лишь начальный этап масштабных эпиграфических изысканий, выражающихся в дешифровке иных текстов – от древнегерманских рун до протоиндийских надписей – на базе реконструированной славянской.

Из вышесказанного представляется возможным сделать следующие выводы. Для энтузиастов от эпиграфики раннесредневековые восточноевропейские надписи являются привлекательным материалом, дешифровка которых позволяет аргументировать тезис о существовании дохристианской славянской письменности. При этом большая часть авторов выдвигает тезис о слоговом характере этой письменности. Языком дешифрованных надписей оказывается своего рода квазидревнерусский язык, который затем интерпретируется при помощи современного русского языка. Некоторые авторы при помощи реконструированного ими славянского дохристианского письма пытаются интерпретировать и иные виды письменности.

Литература

- АЛЕКСЕЕВ А. А. Книга Велеса: анализ и диагноз // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб., 2004. С. 128–147.
- АСОВ А. И. Памятник князю Бусу // Мифы и магия индоевропейцев. Выпуск 2. М., 1997. С. 181–185.
- АСОВ А. И. Славянские руны и «Боянов гимн». М., 2000.
- БАЗЫЛЕВ В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 3. С. 9–39.
- ВЕПРЕВА И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 217–228.
- ГЛАДЫШЕВ В. В. Наследство атлантов: Русь изначальная. М., 2007.
- ГОЛЕВ Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологом» // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография. Кемерово, Барнаул, 2009. С. 7–40.
- ГРИНЕВИЧ Г. С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. Т. 1. М., 1993.
- ГРИНЕВИЧ Г. С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. Т. 2. М., 1999.
- ГРИЦКОВ В. В. «Гимн Бояна» – древнеславянский рунический текст // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 1. М., 1995. С. 230–235.
- ГРОМОВ Д. В., БЫЧКОВ А. А. Славянская руническая письменность: факты и домыслы. М., 2005.
- ДАНИЛЕВСКИЙ И. Н. Попытки «улучшить» прошлое: «Влесова книга» и псевдоистории // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб., 2004. С. 109–127.
- ЗАЙЦЕВ И. В., МОРОЗОВ Д. А. Неизвестный и более ранний вариант древнерусской кириллической надписи Ибн ан-Недима // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 112–115.
- ЗАЛИЗНЯК А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М., 2009.
- КАШКИН В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 4–34.
- ЛЬВОВ А. С. Ещё раз о древнейшей русской надписи из Гнездова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 1. М., 1971. С. 47–52.
- МЕЛЬНИКОВА Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.
- ПЛАТОВ А. В. Культурные изображения из храма в Ретре // Мифы и магия индоевропейцев. Выпуск 2. М., 1997. С. 8–28.
- ПЛАТОВ А. В. Славянские руны. М., 2001.
- ПОЛИНИЧЕНКО Д. Ю. Лингвистика и фолк-лингвистика: концепция А. Н. Драгункина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография. Кемерово, 2010. С. 384–394.
- ПОЛИНИЧЕНКО Д. Ю. Неоязычество и любительская лингвистика в современной России // Язык и культура. Научный интернет-журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Философского факультета Прешовского университета в Прешове. 2012. № 12. http://www.ff.unipo.sk/jak/rus/12_2012/polinichenko.pdf
- РЫСЬ К. Руны восточных славян. 2005. <http://slavs.org.ua/kreslav-rys-runy-vostochnykh-slavyan>
- РЯБЧИКОВ С. В. Интерпретация трех древнерусских текстов. 1999. <http://slavonicweb.chat.ru/sl14r.htm>

- СВЕТЛОЯРЬ. Русский пантеон. Санскрито-русские созвучия. 2011. <http://igrybogov.com/dmdocuments/sanscrit-russian-consonances.pdf>
- СЕРИО П. Языкознание ресентимента в Восточной Европе // Политическая лингвистика. 2012. № 41. С. 186-199.
- СОКОЛ-КУТЫЛОВСКИЙ О. Л. Чтение некоторых славянских рунических надписей. 2006. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111090.htm>
- СОКОЛ-КУТЫЛОВСКИЙ О. Л. Что же написано на памятнике князю Бусу? 2006а. <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02111088.htm>
- СОКОЛ-КУТЫЛОВСКИЙ О. Л. О рунической письменности Европы // Материалы Первого международного конгресса 12-14 мая 2008 года «Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура». СПб., 2008. Т. 2. С. 93–135. <http://runy-ru.narod.ru/1congr.doc>
- ТОРОП В. Ладожский рунический документ – свидетель живой истории // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 2. М., 1997. С. 43–57.
- УХАНОВА Е. В. У истоков славянской письменности. М., 1998.
- ЧУДИНОВ В. А. Руница и тайны археологии Руси. М., 2003.
- ЧУДИНОВ В. А. Русские руны. М., 2006.
- ЧУДИНОВ В. А. Вагрия. Варяги Руси Яра: очерк деполитизированной историографии. М., 2010.
- ЭРЛИХМАН В. В. Микроскопом по истории // Родина. 2008. № 5. С. 21–23.
- ЯКОВЛЕВ С. В. «Чудеса» науки или чудачество от имени науки? О «неявных надписях» в работах В.А. Чудинова // Бюллетень в защиту науки. 2011. № 8. С. 74–86.

Abstract

The paper deals with amateur epigraphy as a current within contemporary Russian amateur linguistics. The attempts of reading of early medieval inscriptions from Eastern Europe by amateurs are examined. The objects, the methods, and the results of these are analyzed. The most wide-spread version of the character of the inscriptions in question is syllabic and Old Russian or proto-Slavic by language, so the language the authors discover and describe can be designated as pseudo-Old-Slavic.